

(Окончание. Начало см. 1 стр.)

Очень возможно и вероятно, что «Мудрая редька», «Луна, поэт, собака и чина» были посланы в газету до того, как Горький получил некоторые «справки» и поэтому рукописи были не напечатаны. В мемуарной литературе есть сведения о том, что в редакции «Волжского вестника» были напечатанные рукописи Горького.

Таким образом, в нашем распоряжении находится не беловая рукопись, а только часть черновой, ставшая у Горького после послы, рукописи в газету.

Но имея ее и в таком виде, мы можем судить о замысле рассказа в целом. По своему жанру и характеру рассказ примыкает к таким сатирическим аллегориям, как «Разговор по душе» — разговор Доброде-тели и Порока, напечатанный в «Волжском вестнике», и там же напечатанный рассказ «О чужом, который лгал, и о Лиле — любительнице истины» — единственной «аллегория» тех лет, введенная впоследствии Горьким — не без колебаний впрочем, — в состав собрания сочинений.

Хотя Алексей Максимович и не выразил в письме сожаления об утере «Редьки», как он это сделал в отношении «Поэмы», но думается, что он не случайно вспомнил о ней.

По содержанию своему рассказ об этой философствующей редьке не только весьма значителен для молодого Горького, но от этой сатиры тянутся нити далеко в будущее.

Нетрудно видеть, что это — сатира на мешанский индивидуализм и мешанский пессимизм, социально-психологические явления, которыми Горький яростно боро- лся всю жизнь и в художественном творчестве и в публицистике.

Отсюда, от этого раннего гротеска Горького, от его образов и мыслей идут и рас- сказки его 90-х годов о мешанцах-интели- гентах, и персонажи пьес «Мещане», «Дач- ник», старичок-странник в «Исповеди», «Заметки о мешанстве», публицисти- ческие реакции на «Русские сказки» и пер- сонажи «Клима Самгина».

В статье «Разрушение личности» 1908 го- да Горький так нападал на реакционную литературу:

«О чем говорит современный литератор? «Что есть жизнь?» — говорит он. — Все есть пища смерти, все. И хорошее, и дур- ное, солёное тобой, исчезнет со смер- тью твою, человек. Всё — равно и все- равно ничтожно! Бусебные сказки!»

«Слушая эти новые слова, мешанин от- воротно кивает головою: «Так, не стоит бороться жизнь, и бесполезно стараться из- менить ее, добро и зло — равноценны. И зачем искать смысла жизни? Примем и по- любим их такими, каковы они есть, напол- ним их всеми наслаждениями, доступными нам, и они будут легко и приятно поло- щаться нами»».

А в одном из писем того же времени Горький говорит о мешанском индивиду- ализме, как о болезни, заставляющей че- ловека «всю жизнь возиться со своей ду- шой, как с картошкой, подобно решету, ниче- го в себе не держит, ибо находится в постоян- ном трепете». Этот человек обыкновенно орет: «Ах, не хочу культуры, не хочу бу- дущего, какое мне дело до человечества!»

В образе Ромюна на пьесе «Дачники» Горький, еще до наступления времени ми- шанской реакции, отлично предугадал эти настроения, так же как в образе писателя Шалимова из той же пьесы предвосхитил реакционную литературу и ее идеологию: Бердяева, Струве, Сологубу, веховцев, от- части Л. Андреева.

В жанре гротеска Горький вернулся к этой теме в образе поэта Смертишкина и

затем в реалистическом плане в очень вну- шительной фигуре философа Томилана из эпопеи «Жизнь Клима Самгина». Примеча- тельно и то, что гибель Самгина тождес- твенна гибели мудрой редьки.

Редька гордится своей способностью мы- слить, эта способность привнесла ее к за- ключению, что «все существующее есть только дичь и чепуха», что сущность су- ществования под этим уютным телом го- лубым небом равна нулю». И все же от страха гибели, от страха смерти душа ее находится, как у человека, охарактеризо- ванного в письме Горького, «в постоянном трепете». Маня величия, побуждаящая редьку мечтать о пантеизме, который по- ставляет на месте, где она отдыхала во вре- мя своего путешествия, хорошо сочетае- тся с мыслями редьки о «всеобщности зла», вызванными появлением мухи.

Все эти гротескные образы были, можно сказать, эмбриональными в отношении бу- дущих мотивов творчества Горького. Но есть в этом рассказе нечто особое, что мы не встречаем в других произведениях Горького, что в рамках нашей редьки о приро- де, о розах, о мире пародировать фило- софа, который Горький увлекался именно в эти годы, прочтя в Тифлисе, в 1892 году, его основное произведение. Это Шопенгауэр. Это станет еще убедительнее, если принять во внимание, что в вариантах чер- новика самое название философского трактата, который собирается редька писать после своего путешествия, «Мир, как он есть», а не «Мир, как он есть», как ошибкой, и неопределенно-пародировать на- звание трактата Шопенгауэра «Мир, как воля и представление».

В библиотеке Алексея Максимовича, сре- ди самых ранних книг ее, сохранился этот трактат Шопенгауэра, специально перепле- тенный с тиснением на нем «Алексей Пеш- ково». По всем этим признакам книга, ви- димо, была весьма ценна владельцем.

В марте 1935 года у нас с Алексеем Мак- симовичем зашла речь о немецкой фило- софии, Алексей Максимович говорил, что не любит ее. Я спросил: «А почему же лю- бите Шопенгауэра?»

«Алексей Максимович весело и несколько загадочно улыбнулся и ответил: «Во- первых, за то, что очень хорошо пишет, а во- вторых, за то, что ясно, чего он хочет».

Вспомнив в «Беседах о ремесле» о де- калегате 90-х годов, Горький писал:

«Их соблазнил Шопенгауэр, соблазн этот особенно чувствовался в нездоровых суждениях о женщине, любви, тут он на- казалась повешенная чувственность, раз- дутая от ума и через книги. Шопенгауэра я прочитал раньше их и без вреда для себя».

Эта негативная оценка, конечно, недо- статочна в суждениях на тему об отноше- нии Горького к Шопенгауэру. Тема требу- ет исследования и обещает быть интерес- ной.

Ленин в письме к Горькому от 25 февра- ля 1908 года писал: «Я считаю, что ху- дожник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая этого рода взвешения и из своего художествен- ного опыта и из философии, хотя бы инди- видуальной, Вы можете прийти к выво- дам, которые рабочей партии принесут огромную пользу».

«Вред», как упоминал Горький, Шопен- гауэр ему не принес. «Пользу» же он при- нес несомненно, хорошо помогая Горько- му, как художнику, уяснить психологиче- ские корни индивидуализма и пессимизма.

Вспомнив в «Беседах о ремесле» о де- калегате 90-х годов, Горький писал: «Их соблазнил Шопенгауэр, соблазн этот особенно чувствовался в нездоровых суждениях о женщине, любви, тут он на- казалась повешенная чувственность, раз- дутая от ума и через книги. Шопенгауэра я прочитал раньше их и без вреда для себя».

Эта негативная оценка, конечно, недо- статочна в суждениях на тему об отноше- нии Горького к Шопенгауэру. Тема требу- ет исследования и обещает быть интерес- ной.

Ленин в письме к Горькому от 25 февра- ля 1908 года писал: «Я считаю, что ху- дожник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая этого рода взвешения и из своего художествен- ного опыта и из философии, хотя бы инди- видуальной, Вы можете прийти к выво- дам, которые рабочей партии принесут огромную пользу».

«Вред», как упоминал Горький, Шопен- гауэр ему не принес. «Пользу» же он при- нес несомненно, хорошо помогая Горько- му, как художнику, уяснить психологиче- ские корни индивидуализма и пессимизма.

Вспомнив в «Беседах о ремесле» о де- калегате 90-х годов, Горький писал: «Их соблазнил Шопенгауэр, соблазн этот особенно чувствовался в нездоровых суждениях о женщине, любви, тут он на- казалась повешенная чувственность, раз- дутая от ума и через книги. Шопенгауэра я прочитал раньше их и без вреда для себя».

Эта негативная оценка, конечно, недо- статочна в суждениях на тему об отноше- нии Горького к Шопенгауэру. Тема требу- ет исследования и обещает быть интерес- ной.

Ленин в письме к Горькому от 25 февра- ля 1908 года писал: «Я считаю, что ху- дожник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая этого рода взвешения и из своего художествен- ного опыта и из философии, хотя бы инди- видуальной, Вы можете прийти к выво- дам, которые рабочей партии принесут огромную пользу».

«Вред», как упоминал Горький, Шопен- гауэр ему не принес. «Пользу» же он при- нес несомненно, хорошо помогая Горько- му, как художнику, уяснить психологиче- ские корни индивидуализма и пессимизма.

Вспомнив в «Беседах о ремесле» о де- калегате 90-х годов, Горький писал: «Их соблазнил Шопенгауэр, соблазн этот особенно чувствовался в нездоровых суждениях о женщине, любви, тут он на- казалась повешенная чувственность, раз- дутая от ума и через книги. Шопенгауэра я прочитал раньше их и без вреда для себя».

Эта негативная оценка, конечно, недо- статочна в суждениях на тему об отноше- нии Горького к Шопенгауэру. Тема требу- ет исследования и обещает быть интерес- ной.

Ленин в письме к Горькому от 25 февра- ля 1908 года писал: «Я считаю, что ху- дожник может почерпнуть для себя много полезного во всякой философии. Наконец, я вполне и безусловно согласен с тем, что в вопросах художественного творчества Вам все книги в руки и что, извлекая этого рода взвешения и из своего художествен- ного опыта и из философии, хотя бы инди- видуальной, Вы можете прийти к выво- дам, которые рабочей партии принесут огромную пользу».

«Вред», как упоминал Горький, Шопен- гауэр ему не принес. «Пользу» же он при- нес несомненно, хорошо помогая Горько- му, как художнику, уяснить психологиче- ские корни индивидуализма и пессимизма.

Вспомнив в «Беседах о ремесле» о де- калегате 90-х годов, Горький писал: «Их соблазнил Шопенгауэр, соблазн этот особенно чувствовался в нездоровых суждениях о женщине, любви, тут он на- казалась повешенная чувственность, раз- дутая от ума и через книги. Шопенгауэра я прочитал раньше их и без вреда для себя».

Эта негативная оценка, конечно, недо- статочна в суждениях на тему об отноше- нии Горького к Шопенгауэру. Тема требу- ет исследования и обещает быть интерес- ной.

Творческий лозунг эпохи

Если мы внимательно прочитаем во все статьи и выступления Горького по вопро- сам литературы, относящиеся к 1932 году, то сразу же почувствуем, что Горький, по- ка еще не совсем отошедший от жизни, по- кажет, что суждения Горького о лите- ратуре отчаялись в этот период непосе- довательностью и противоречивостью.

С одной стороны, Горький решительно выступал в защиту реализма и доказывал уместность и необходимость его в наши дни. Он писал в статье «Равнодушие не должно иметь места», что наша литерату- ра «...ставит перед собой крайне трудную задачу: создать приемы реализма эпиче- ского искусства, в котором отразился бы со- всем возможным силой слова и полнотой героизм рабочего класса, строителя нового общества». Считал ли Горький выполнимой эту «крайне трудную задачу»? Безусловно. Он утверждал: «Лучшие, наиболее талант- ливые работники литературы проблестали правильно понимают, что эпос реалистиче- ский и реализм отнюдь не стесняет вообра- жения». С другой стороны, и почти в то же самое время, обращаясь к нашим писа- телям, Горький в статье «По поводу одной полемикой» говорил: «Если изобразить ге- роя эпохи в освещении, которое он заслу- живает, вам мешают приемы реализма, это другие приемы, выработайте их». В одной из бесед об «Исповеди» Горький писал: «Если изобразить ге- роя эпохи в освещении, которое он заслу- живает, вам мешают приемы реализма, это другие приемы, выработайте их». В одной из бесед об «Исповеди» Горький писал: «Если изобразить ге- роя эпохи в освещении, которое он заслу- живает, вам мешают приемы реализма, это другие приемы, выработайте их».

Однако, в творческой биографии Горь- кого был и до этого момента, когда его суждения о литературе характеризовались сбалансированностью. Это было в 1900 г. С исключительной фи- зиономией и наглядностью показал он в рас- казе «О беспокойной книге», какое от- ромное идейное значение может иметь последовательное-реалистическое ис- кусство, если оно срывает маски буржу- азных отношений и расшатывает мешан- ский оптимизм. Ту же мысль Горький рас- казал в газетной статье о Чехове: «Страш- ная сила его таланта именно в том, что он ни- когда ничего не выдумывает от себя, не изображает того, «чего нет на свете», но что быть может и хорошо, может быть и- желательным. Он никогда не прикрашивает людей... И буквально в то же самое время, в письме к Чехову от начала 1900 г. Горький писал: «Ваш талант великого творца «беспокойных книг» за то, что он сущес- твенно реализм, доводя до высшего совер- шенства его приемы. «Эта форма отжила- ся давно...» — писал Горький. «Правда же — настало время нужды в героическом: все хотят возбуждающего, яркого, такого, знаете, чтобы не было похоже на жизнь, а было выше ее, лучше, красивее. Обяза- тельно нужно, чтобы теперешняя литера- тура не только не прикрашивала жизнь, а и так чтобы она это нечто — жизнь — ста- раясь, т. е. люди живут быстрее, ярче».

Вопрос о том, как должно стать ис- кусство, чтобы ответить назревшим потреб- ностям времени, — в те годы глубоко волно- вал Горького. В программном рассказе «Чи- татель» (1898 г.) Горький говорил, что ис- кусство должно быть «вещью правди- вым, способным вызвать в людях ста- рание, отращивание и даже зов отчаяние, и в то же время должно рисовать идеалы, ради которых стоит идти на подвиги, создавать образы, которых нет в жизни, но которые необходимы для возбуждения в людях энергии, мужества и уверенности в себе. Горький мечтал о таком искусстве, кото- рое будило бы людей и как бич, и как по- лезную ласку любви и задушевности. Редактор русского отдела журнала «Кос- мополис», где был опубликован этот рас- сказ, Ф. Батюшков отговаривал Горького от опубликования «Читателя». Он писал Горькому, что рассказ вызывает восхище- ние и находит живой отклик у молодежи, но настраивает против себя рассудитель- ных «чужих» людей. Горький ответил Батюшкову, что он не боится критики, что он уже достаточно слышал похвал, что дело не в том, как к нему отнесутся, а по- падет ли в цель его удар.

Горький не только не боялся того, что от него отшатнется известная часть его чи- тателей и почитателей, но, напротив, сам намерен был в размышлении. Именно в этом был внутренний смысл целой цепи «инициентов», из которых наибольшую известность получила резкая отповедь Горького по адресу слишком назойливых поклонников «Искры». Художественно- атра 4 ноября 1900 г. во время представле- ния «Искры»... «Как профессионально- писателю мне обидно, — сказал он в ответ на вызовы и аплодисменты, — что вы, слушая огромного значения пьесу Чехова, в антрактах занимаетесь пустяками».

Как бы желая повести отнюдь многим «инициентам» и в то же время ответить на отклики, которые они получили в печати, Горький написал, рассказ «О писателе, ко- торый зазнался». В рассказе речь шла о писателе, у которого голова начала кру- житься от похвал, но который вскоре уви- дел, что люди, восхваляющие его, хотят сделать из него свою «собственность», чтобы играть им, как «мячиком». Он уви- дел, что эти его читатели — не народ, а только «публика», что они не люди, а только мешане, не творцы жизни, а рабы

или наглые хозяева ее, и что они ищут в его произведениях не поучение, не при- зыв к действиям, а только развлечение и отдых. Горький бросил в лицо этим своим читателям гневные слова: «...если бы я верил в силу проклятия, я проклял бы вас всех, но я верю в нечто другое. Скоро придет иные люди, люди смелые, честные, сильные, — скоро».

Рассказ «О писателе, который зазнался», подвела итог «инициентам», сам явился причиной еще одного, пожалуй, самого знаменательного из них. Горький прочел этот рассказ 6 ноября 1901 г. в Нижнем на прославленном банкете, устроенном местной интеллигенцией в связи с высылкой писа- теля из родного города, прочел в ответ на адреса и приветственные речи. Часть собравшихся восприняла этот рассказ как несправедливо грубый и оскорбительный. Другие приняли его с восторгом, не имея оснований относить горьковские упреки на свой счет, но вполне разделяя его отноше- ние к буржуазной интеллигенции. Присе- дившие смежевание ярко сказало на событии следующее, когда Горькому было сказано, что он должен был читать в зале: «Обыкновенные не пришли, а остальные составили ядро демонстрации, которая явилась началом большого общественного движения и была, как известно, высоко оценена Лениным. А через несколько лет, уже находясь за пределами России, Горь- кий столь же откровенно высказал свое отношение и к западно-европейской бур- жуазии поклонникам его таланта: «Го- лода! Искренне говорю вам честному писателю и социалисту глубоко оскорби- тельна любовь буржуа. Надеюсь, что эти строки вполне точно и навсегда определят наши взаимные отношения».

В 1885 г. в письме к М. Каутскому Фри- дрих Энгельс указывал: «...в наших ус- ловиях роман обращается преимущественно к читателям из буржуазных, т. е. не при- нимающих прямо к нам кругов, а поэту социалистический тенденциозный ро- ман целиком выполнять, на мой взгляд, все назначение, правильно изображая ре- альные отношения, разрывая господство- щие условные иллюзии о природе этих от- ношений, расшатывая оптимизм буржуа- зного мира, вселяя сомнение по поводу не- изменности основ существующего поря- дка, хотя бы автор и не преследовал этой цели». Этот никакой определенности решения и даже иной раз не становился явным на чю- лобной стороне».

Время, когда совершал свое идейное и творческое самоопределение Горький, уже резко отличалось от времени, охарактери- зованного Энгельсом. Наступила новая эпоха, которую сам Энгельс в 1893 г. на- звал началом «пролетарской эры». Теперь революционный писатель уже не должен был изображать буржуазную жизнь, а на- чал изображать жизнь пролетариата, а не буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его выдвинула и интересы которой он выражал, и той, в которую прежде всего должен был обратиться писатель, когда на- чал изображать буржуазную жизнь. По- ка Горький был еще в кругу буржуазных кругов, а мог и дол- жен был обращаться к новому читателю — к поднимавшемуся пролетариату и к свя- занной с ним революционной интеллиген- ции. Мы уже видели, как остро ощутил Горький различие между той средой, кото- рая его